УДК 51+93/94(378.1):372.851«1919-1930»

СТАНОВЛЕНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1919 г. – 1920-е гг.)

О. А. ЯНОВСКИЙ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

На основе архивных материалов и других источников рассмотрен сложный процесс становления математического образования и проведения научных исследований в различных областях знаний в Белорусском государственном университете. Особое внимание обращено на не прекращавшиеся в 1919–1921 гг. дискуссии среди официальных лиц и ученых по поводу правомерности создания отдельного математического факультета в открывающемся БГУ. Впервые подробно изложена позиция выдающегося математика, организатора математического образования, уроженца Беларуси И. Р. Брайцева. Период 1920-х гг. определен как несомненно значимый этап не только в становлении математической составляющей в общем характере БГУ, но и в формировании основ будущего высокого уровня университетской математики.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; математика; математические учебные дисциплины; математическая наука; преподаватели математики.

СТАНАЎЛЕННЕ МАТЭМАТЫЧНАЙ АДУКАЦЫІ І НАВУКІ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ (1919 г. – 1920-я гг.)

А. А. ЯНОЎСКІ[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

На аснове архіўных матэрыялаў і іншых крыніц разгледжаны складаны працэс станаўлення матэматычнай адукацыі і правядзення навуковых даследаванняў у розных галінах ведаў у Беларускім дзяржаўным універсітэце. Асаблівая ўвага звернута на бесперапынныя ў 1919–1921 гг. дыскусіі сярод афіцыйных асоб і навукоўцаў аб правамернасці стварэння асобнага матэматычнага факультэта ў БДУ. Упершыню падрабязна прадстаўлена пазіцыя выбітнага матэматыка, арганізатара матэматычнай адукацыі, ураджэнца Беларусі І. Р. Брайцава. Перыяд 1920-х гг. вызначаны як несумненна значны этап не толькі ў станаўленні матэматычнага складніка ў агульным характары БДУ, але і ў фарміраванні асноў будучага высокага ўзроўню ўніверсітэцкай матэматыкі.

Ключавыя словы: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; матэматыка; матэматычныя вучэбныя дысцыпліны; матэматычная навука; выкладчыкі матэматыкі.

Образец цитирования:
Яновский ОА. Становление математического образования и науки в Белорусском государственном университете (1919 г. – 1920-е гг.). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2021;3:19–32.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-19-32

For citation:
Yanouski AA. Formation of mathematical education and science at the Belarusian State University (1919 – 1920s). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;3: 19–32. Russian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-19-32

Автор:
Олег Антонович Яновский – кандидат исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории России исторического факультета.

Author:
Aleh A. Yanouski, PhD (history), full professor; head of the department of Russian history, faculty of history.
helgoleg@mail.ru

Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021;3:19–32
Journal of the Belarusian State University. History. 2021;3:19–32

FORMATION OF MATHEMATICAL EDUCATION AND SCIENCE AT THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY (1919 – 1920s)

A. A. YANOUSKI[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

On the basis of archival materials and other sources, the complex process of formation at the Belarusian State University of mathematical education and scientific research in various fields of science is considered. Particular attention is paid to the years that did not stop in 1919–1921 discussions among officials and scientists about the legality of creating a separate mathematics faculty specifically for the opening of the Belarusian State University. In this case, for the first time, the position of an outstanding mathematician and organiser of mathematical education, a native of Belarus, I. R. Braitsev, is presented in detail. The author defines the 1920s as an undoubtedly significant stage not only in the formation of the mathematical component in the general character of Belarusian State University, but also in the formation of the foundations of the future high level of university mathematics.

Keywords: Belarusian State University; mathematics; mathematical academic disciplines; mathematical science; teachers of mathematics.

Введение

Вряд ли историку уместно аргументировать важность и значение математики как в жизни любого человеческого сообщества, так и в образовательной практике, тем более вести речь о глубинах теоретического и практического содержания математической науки. А вот обратиться к вопросу становления математического образования и науки в Белорусском государственном университете историку по силам. Для этого следует посмотреть архивные папки, полистать подшивки газет, понять некоторые обстоятельства деятельности первого поколения математиков. Сразу стоит оговориться, что с первых дней деятельности университета математика буквально пронизывала повседневность сначала лишь трех факультетов (медицинского, рабочего, общественных наук), а затем и открывшихся в 1920-х гг. новых факультетов (педагогического, химико-технологического, права и хозяйства) с их весьма разнообразными отделениями. Конечно, естественным завершением такого «проникновения» математики в подготовку самых разных специалистов было создание на рубеже 1920–30-х гг. физико-математического факультета, который стал готовить профессиональных математиков – педагогов и ученых.

Профессор И. Р. Брайцев об идее Белорусского университета и необходимости математического образования в нем

В данном случае вновь придется обратиться к истории пути становления БГУ. Этот путь длился более двух с половиной лет – от провозглашения Декрета ЦИК Советов ССРБ (далее – Декрет) в феврале 1919 г. до начала «правильных» занятий в университетских аудиториях в конце октября 1921 г. Об этом автор настоящей работы и его коллеги написали достаточно много статей и даже книг. Вместе с тем пока подробно не прослежена эволюция замыслов основателей университета по формированию его факультетской структуры, конечно не считая первых конкретных предложений, высказанных в декабре 1917 – начале 1918 г. филологом Е. Ф. Карским и историком М. В. Довнар-Запольским. Так, Е. Ф. Карский сначала в газете «Вольная Беларусь», а затем в выступлении на Всебелорусском съезде в декабре 1917 г. заявил о своем видении будущего университета, в состав которого, по его мнению, должны были войти четыре факультета, характерные для прежних императорских российских университетов, – историко-филологический, юридический, медицинский и физико-математический. Правда, в речи на съезде ученый по-разному называл последний факультет: то «естественно-математический», то просто «математический»[1].

Чуть позже в своей записке от 10 мая 1918 г. М. В. Довнар-Запольский предлагал народному секретариату БНР создать университет, включающий шесть факультетов. Профессор-историк считал, что «чистая математика привлекает не много» и это «сейчас удорожит содержание университета», поэтому физико-математический факультет должен быть учрежден, но только не в классическом воплощении, а по названию. По мнению М. В. Довнар-Запольского, в его составе следовало открыть практически необходимые отделения – естественное, химическое и агрономическое[2] [1, с. 566].

Приходится констатировать, что до сих пор без внимания исследователей остались обширные, детальные, представляющие интерес предложения,

[1]Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 457. Оп. 1. Д. 2. Л. 33–35.
[2]Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1. Л. 15 об.

которые в самом начале 1919 г. в Наркомпрос РСФСР направил профессор И. Р. Брайцев. Кстати, фамилия ученого почему-то не названа ни на страницах первых юбилейных книг по истории БГУ [2; 3], ни тем более в последующих публикациях по университетской истории. В то же время этого ученого-математика и организатора математического образования в советской России следует считать одним из главных адептов необходимости создания Белорусского университета. Кстати, он в своих предложениях (о них речь пойдет ниже) так всегда и называл пока еще только планируемый к открытию университет, вкладывая в эти два слова – «Белорусский университет» – подробнейшее обоснование поставленного им же вопроса: «Какая высшая школа нужна в настоящее время Белоруссии?» И, отвечая на него, И. Р. Брайцев исходил из следующего своего видения: «…в сердце каждого, как просвещенного, так и серого белоруса, вселяется надежда, что и мы, белорусы, будем иметь свой университет»[3].

Здесь следует пояснить употребление И. Р. Брайцевым местоимения «мы». Математик считал себя белорусом не только по факту рождения, но и по своей сопричастности к реализации важнейшего из вопросов в контексте становления белорусской государственности. Многочисленные интернет-ресурсы, книга нижегородского автора Н. Б. Кузнецовой и другие современные источники информации позволяют детально ознакомиться как с биографией И. Р. Брайцева, так и с биографиями его двух незаурядных братьев. В данном случае лишь укажем, что этот выдающийся математик родился на самом белорусско-российском пограничье (но все-таки на территории современной Беларуси) – в деревне между Климовичами и Рославлем. Читая биографию ученого, приходится вновь констатировать факт о том, насколько большое количество белорусов-интеллектуалов реализовывали свои таланты вдали от родины, поскольку не имели возможности учиться и работать в своем университете. А вот причастность И. Р. Брайцева к воплощению идеи создания Белорусского университета лишь единожды замечена в опубликованных текстах. Это краткая информация о том, что математик-белорус «принимал активное участие в организации Белорусского государственного университета, является автором проекта первого учебного плана для физико-математического факультета БГУ»[4]. По этой причине необходимо несколько более пространно определить роль ученого в организационных мероприятиях, нацеленных на реализацию идеи открытия университета в Беларуси. С помощью ученика и коллеги, доцента А. Н. Максимчика в распоряжении автора настоящей работы оказались несколько дел из Государственного архива Российской Федерации. Хранящиеся там материалы свидетельствуют о выдающейся роли И. Р. Брайцева не только в определении особой важности открытия математического (или физико-математического) факультета в структуре Белорусского университета, но и в целом об убежденности ученого в крайней необходимости создания университета вообще. И. Р. Брайцев с очевидной математической дотошностью в деталях и точностью в цифрах и определениях уже в самом начале февраля 1919 г. представил в Наркомпрос РСФСР несколько своих предложений. Все они опираются (и это заметно даже при беглом анализе) на его богатейший опыт преподавательской и административной работы еще в дореволюционный период в Варшавском политехническом институте, а также на опыт, приобретенный ученым за короткое советское время в должности декана-организатора математического (физико-математического) факультета Нижегородского государственного университета.

Названные предложения оформлены в конкретные тексты: «Проект временных положений о Белорусском университете», «Смета агрономического факультета Белорусского университета на 2-е полугодие 1919 г.», «Смета естественно-исторического факультета Белорусского университета на 2-е полугодие 1919 г.» и «Смета математического факультета БЕЛОРУССКОГО УНИВЕРСИТЕТА на 2-е полугодие 1919 года». С особым тщанием И. Р. Брайцев подготовил последний документ (это видно даже по тому, что название университета дано прописными буквами). Ученый сразу указал, что занятия на всех факультетах, в том числе математическом, начнутся только на первых курсах, поэтому три профессора «чистой математики» и столько же преподавателей, кроме «своего факультета», будут «обслуживать» также инженерно-мелиоративный и естественный факультеты, а один пока профессор физики – еще и медицинский и агрономический факультеты[5]. Как настоящий ученый и администратор, И. Р. Брайцев указал важнейшие позиции, на которые следует обратить внимание, чтобы факультет заработал в полную силу. Кроме этого, Наркомпрос РСФСР должен был выделить значительные денежные средства на приобретение книг по «чистой и прикладной математике», издание научных работ и «трудов математического семинария», научные командировки, оборудование факультетской библиотеки и математического кабинета, покупку «математических моделей», «гауссовских штативов» и др. И. Р. Брайцев также подробно перечислил необходимую мебель и десятки иных крайне важных позиций[6] (сметные

[3]Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. А2306. Оп. 18. Д. 701. Л. 69.
[4]Брайцев Иван Романович // Республиканская научно-техническая библиотека. Белорусские имена в науке и технике [Электронный ресурс]. URL: http://rntbcat.org.by/belnames/F_HTM/Brajcev.HTML (дата обращения: 10.05.2021).
[5]ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 18. Д. 701. Л. 47, 48.
[6]Там же. Л. 48 об. – 49.

расходы на содержание факультетской бухгалтерии, канцелярии, врачебной части, оплату труда вахтера, курьера, архитектора, смотрителя зданий и т. д.).

С особой тщательностью на 4 листах расписана суть устройства астрономической обсерватории – от необходимых для нее приборов до специальной библиотеки. Вот только эту записку подписал не И. Р. Брайцев (но он, несомненно, имел к ней непосредственное отношение), а его коллега и земляк (уроженец Хотимска), руководитель астрономической обсерватории Первого Московского государственного университета С. Н. Блажко. В интернет-ресурсах о нем также представлено немало информации, хотя невозможно найти упоминание о его участии в первых мозговых штурмах по поводу ответов на вопрос: «Каким быть университету в Минске?» Эти два уроженца белорусских земель (И. Р. Брайцев и С. Н. Блажко) вполне дополняли усилия своих земляков Е. Ф. Карского и М. В. Довнар-Запольского, имевших более весомые научные звания и опыт руководства высшими учебными заведениями.

Хотелось бы более подробно остановиться на анализе записки И. Р. Брайцева «Проект временных положений о Белорусском университете». По сути, это своеобразное новое прочтение ситуации вокруг идеи открытия университета, некий черновой вариант университетского устава на 4 машинописных листах и 8 страницах. Его текст имеет четкую структуру и содержит последовательное изложение важнейших характеристик, касающихся как подготовительного этапа, так и самого создания университета. Уже в первом параграфе «Цель и задачи Белорусского университета» сказано, что он «есть учено-учебное учреждение, имеющее своей целью развитие и распространение научных и технических знаний среди белорусского народа». В качестве задач определялось, что университет «учреждает семинарии, библиотеки, лаборатории, обсерватории, станции и музеи как для учебных целей, так и для самостоятельных научных исследований». И конечно, «учреждает факультеты и их отделения по различным отраслям знаний», «издает свои научные труды, а также учебники…». Среди прочих детализаций внутреннего распорядка жизнедеятельности университета И. Р. Брайцев предлагал выдвигать в кандидаты на получение звания профессора «всякого, заявившего себя научными трудами» с последующим обсуждением и утверждением на совете университета, а надпись на университетской печати сделать лишь в два слова – «Белорусский университет»[7]. В этом заключалось коренное понимание ученым-белорусом миссии университета.

Подобный проект подписан профессором Нижегородского государственного университета И. Р. Брайцевым, который являлся «деканом математического факультета, деканом физико-математического факультета, членом президиума Нижегородского педагогического института». Самое интересное, что проект датирован 1 февраля 1919 г., т. е. за 25 дней до провозглашения Декрета о начале реальных действий по созданию БГУ. Можно предположить, что нижегородскому профессору-математику (белорусу по национальности) был сделан некий заказ на такой проект, на проработку всевозможных тактических и стратегических задач.

Это предположение подтверждается другим подписанным И. Р. Брайцевым документом под упрощенным названием «Какая высшая школа нужна в настоящее время Белоруссии?», также датированным 1 февраля 1919 г. Следуя прагматичной установке, автор сразу обосновывает необходимость открытия в первую очередь агрономического, инженерно-мелиоративного, медицинского, естественного, математического факультетов, а также факультета общественных наук. Ученый развернуто обосновал создание математического факультета: «Факультет важен сам по себе, а затем в смысле прикладном – для обслуживания вышеуказанных факультетов (физика, математика, теоретическая математика, метеорология)». И. Р. Брайцев считал, что белорусам важны знания математических дисциплин. Математический факультет с его физической составляющей уже с сентября 1919 г. позволил наладить эффективные занятия на медицинском и агрономическом факультетах[8]. И только в некотором будущем в Белорусском университете будут созданы условия для открытия технических факультетов – химического, механического, электротехнического и др. Кстати, на совещании у наркома просвещения ССРБ А. Г. Червякова, на котором присутствовали Е. Ф. Карский, В. Л. Ивановский, А. С. Некандa-Трепка, Ф. Ф. Турук, М. Я. Фрумкина и др., скорее всего, было известно о предложениях, высказанных И. Р. Брайцевым. На этом «частном совещании группы лиц», как выразился один из участников Ф. Ф. Турук, идея создания физико-математического факультета и в целом необходимость наполнения университетских аудиторий математикой обоснованы более убедительно. Вообще было заявлено, что государственный университет в Минске должен быть открыт в составе только двух факультетов – физико-математического факультета и факультета общественных наук, причем предполагалось, что первый из них в ближайшем времени станет «основой для будущих агрономического,

[7]ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 18. Д. 701. Л. 63, 64 об. – 65.
[8]Там же. Л. 71.

медицинского, ветеринарного и технического факультетов» [4, с. 181].

Интересны рассуждения И. Р. Брайцева о том, в каком городе следует разместить Белорусский университет. Ранее белорусы «…находили, что для этой цели наиболее подходит Вильно. Но в настоящее время права на этот город оспариваются у белорусов с литовцами, хотя он лежит в области, населенной гуще всего белорусским племенем». Далее математик, родившийся близ Смоленска, отвергает возможность принимать во внимание этот город, который «нельзя считать вполне белорусским». Он полагает, что «из всех прочих городов Белоруссии наибольшего внимания заслуживает Минск. Это сравнительно большой город. Там найдутся временные помещения как для университета, так и для преподавателей и студентов». В завершение своих оценок И. Р. Брайцев вдруг вспомнил о важности педагогического образования и возможности открытия педагогического факультета. Однако тут же заметил, что «чуть ли не в любом губернском городе Белоруссии имеются педагогические институты»[9]. Вот только в данном случае его подвела слабая информированность о содержании преподавания в этих институтах, которое было всего лишь средним специальным.

Столь большая работа, проделанная И. Р. Брайцевым, на первых порах определила его статус в развернувшихся после 25 февраля 1919 г. практических мероприятиях по реализации самой идеи создания Белорусского университета в целом и весьма лапидарных установок Декрета в частности. Например, 22 марта этого же года в Москве на специальном совещании в Наркомпросе РСФСР И. Р. Брайцев присутствовал как член Белорусского научно-культурного общества. Согласно протоколу совещания он вновь четко указал на то, что «живой вопрос о просвещении края ясен; необходимо наметить порядок открытия вопросов», и заявил о своем согласии на формирование двух организационных комиссий – в Минске и Москве. Следует уточнить, что первой была создана комиссия при Минском губернском отделе народного образования, а затем в помощь ей организована комиссия при отделе высших учебных заведений Наркомпроса РСФСР в Москве. Важно также заметить, что на этом совещании надежды И. Р. Брайцева на открытие всех самых необходимых факультетов не оправдались, так как порядок их создания решили «поставить в связь с наличностью необходимых сил, средств и неотложных местных нужд»[10]. Как покажут последующие политические события, этих сил и средств будет в разы меньше, чем неотложных местных нужд.

Математическое образование в понимании членов двух организационных комиссий

Не вдаваясь в подробности всех событий весны 1919 – лета 1921 г., следует отметить, что из-за постоянно менявшихся предложений как ученых, так и государственных лиц ССРБ и РСФСР к началу занятий в БГУ ничто не напоминало об обоснованиях И. Р. Брайцева обязательного создания в составе Белорусского университета математического факультета. Ученый сам постепенно отошел от реального участия в работе двух комиссий, хотя известно, что на него очень рассчитывали в Минске.

После освобождения ССРБ от польской оккупации установку на непременное создание математического факультета стал проводить Н. К. Ярошевич. Так, 14 августа 1920 г. на совещании у заместителя наркома просвещения РСФСР М. Н. Покровского, а затем 18 августа этого же года на заседании научного сектора наркомата он не только поддержал намерение В. Т. Тер-Оганесова и Е. Ф. Карского открыть физико-математический факультет, но и предложил обсудить создание отдельного математического факультета. Е. Ф. Карский считал открытие математического отделения целесообразным, так как на естественном и агрономическом факультетах планировалось внедрить большой курс изучения математики. Профессор И. Р. Брайцев отлично подошел бы для работы на основной кафедре математического факультета. Академик-филолог считал, что такой факультет «самый дешевый и что его легче всего организовать». Ярый сторонник создания отдельного политехнического института, Н. К. Ярошевич в организации математического факультета видел основание для скорого открытия технических факультетов и политехникума, наличие которых позволило бы учредить полноценный институт. Однако тогда эти идеи, по сути, дезавуировал один из главных руководителей Наркомпроса РСФСР и ответственный за реализацию проекта Белорусского университета В. Т. Тер-Оганесов. Он сам был математиком по образованию (в 1916 г. окончил физико-математический факультет Петроградского университета) и подвизался в области астрономии. В. Т. Тер-Оганесов и еще один представитель научного сектора Наркомпроса РСФСР указали белорусам, что «для чистого математического факультета не найдется слушателей» и технические факультеты будут открыты лишь в перспективе, а «математический факультет не должен считаться основой их, так как для них требуются небольшие курсы

[9]ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 18. Д. 701. Л. 72.
[10]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 131. Л. 3–3 об.

математики». В довершение подобных доводов против открытия математического факультета В. Т. Тер-Оганесов указал, что и для агрономического и естественного факультетов «математики нужно мало», тем более не следует рассчитывать на приглашение профессора И. Р. Брайцева, так как он «не может быть отпущен Нижегородским университетом как основное лицо его математического факультета». Скорее всего, и заместитель наркома просвещения историк М. Н. Покровский встал на сторону своих московских коллег[11].

Таким образом, уже летом 1920 г. перспектива открыть в составе БГУ самостоятельный математический факультет была сведена на нет, хотя предложения о физико-математическом факультете некоторое время продолжали обсуждаться. Так, в отчете о поездке белорусской делегации в августе 1920 г. в Москву и названных выше переговорах в Наркомпросе РСФСР утверждалось, что подготовлены примерные учебные планы первых курсов шести факультетов – физико-математического, естественного, медицинского, агрономического, историко-филологического и рабочего. Указывалось, что среди нескольких профессоров, которые дали свое согласие на переезд в Минск для работы на кафедрах открывающегося БГУ, есть имена и двух Брайцевых – математика Ивана Романовича и его младшего брата медика Василия Романовича. Вот только ни один из них не посчитал возможным работать на родине и реально строить первый белорусский университет.

Уже несколькими месяцами позже, 8 февраля 1921 г., на заседании Центрального бюро ЦК КП(б)Б был заслушано выступление на тему «Об университете». Констатировалось, что реальные работы по университетскому строительству затормозились. Реализовать первоначальные планы не представлялось возможным, речь могла идти лишь об открытии в первую очередь медицинского и агрономического факультетов, но требовалось приложить все усилия, чтобы создать условия для открытия и факультета общественных наук[12]. Так что безденежье, финансовая и политическая зависимость от Москвы вынудили белорусское партийно-советское руководство определить новые приоритеты в формировании структуры БГУ. Вопрос о математическом (или физико-математическом) факультете с повестки дня, казалось, был снят. Однако уже во всех отношениях знаковом для БГУ постановлении Президиума ЦИК Советов ССРБ от 18 апреля 1921 г. указывалось, что университет следует «открыть в составе факультетов: рабочего, общественных наук, медицинского, сельскохозяйственного и физико-математического», хотя и с приоритетностью за медицинским и сельскохозяйственным факультетами[13]. Правда, вскоре планы в очередной раз были скорректированы в сторону уменьшения количества факультетов. В результате 30 октября 1921 г. БГУ начал работу, имея в своем составе лишь медицинский факультет и факультет общественных наук, а также рабочий факультет, на котором велась подготовка к поступлению в вузы. Хотя до последнего момента продолжалась разработка учебных планов физико-математического факультета, о чем позже, в 1927–1928 гг., писал В. И. Пичета, раскрывая проблемы организационного периода. Тем не менее главной причиной, из-за которой было отложено открытие физико-математического и иных факультетов, он называл «агульнае эканамічнае становішча»[14] [5; 6]. Всем было понятно, что в настоящем классическом университете (а таковым и задумывался БГУ) обязательно должна вестись подготовка профессиональных математиков и что предмет «математика» является одним из важнейших в преподавании чуть ли не на всех других факультетах. Даже в правилах приема на 1-й курс медицинского факультета, доведенных до всех желающих летом 1921 г., значилась сдача всего лишь трех коллоквиумов – по математике, физике и естествознанию[15].

Математика и математики в аудиториях БГУ в 1920-х гг.

С первых дней работы БГУ к преподаванию математических дисциплин приступили несколько достаточно квалифицированных преподавателей, вскоре доказавших свой профессорский уровень как в аудиториях, так и в науке, однако на самое начало занятий (1 ноября 1921 г.) ни у кого из них не было профессорского звания. Математика являлась определяющей дисциплиной в подготовке студентов рабочего факультета, несмотря на доминирование гуманитарных наук. К примеру, в первом учебном году, который на рабочем факультете начался 17 июня 1921 г., учебный план, рассчитанный на восемь триместров, предполагал в каждом из них 8 ч математики, в то время как на политэкономию и исторический материализм отводилось по 1–2 ч, на естествознание – 4–6 ч, на русский язык и историю Литвы – по 6 ч и т. д. Математику преподавали 5 человек (К. М. Годыцкий-Цвирко, Б. М. Слепян, А. И. Кохомская, В. И. Корсак и М. Я. Вагер). Некоторые из них были утверждены в штате рабочего

[11]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1. Л. 17–22.
[12]Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 243. Л. 17.
[13]Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
[14]Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт 1921–1927: да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск : [б. в.], 1927. С. 73.
[15]НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 13.

факультета еще в апреле 1921 г. и получили служебные удостоверения не БГУ (его канцелярия в данный период времени просто не работала), а непосредственно Наркомпроса ССРБ. Во второй учебный год в штат рабочего факультета БГУ входили 37 преподавателей утреннего отделения. Из числа математиков выбыл В. И. Корсак, зато на открывшемся вечернем отделении среди 19 преподавателей математику вели В. Д. Минич, Н. К. Наумов, В. Л. Левкович, В. А. Климантович, а механику – Н. Н. Кавцевич. На протяжении 1920-х гг. через рабочий факультет прошли многие из университетских математиков, которые потом (или одновременно с работой на рабочем факультете) преподавали различные дисциплины на педагогическом факультете. Автор настоящей статьи располагает подробными биографиями и сведениями об университетской деятельности В. Л. Левковича, А. П. Круталевича, Г. Н. Сагаловича, А. Н. Нахимовской и других математиков, которые своим напряженным и творческим трудом заложили основы высокого уровня математического образования в БГУ и разноплановых исследовательских направлений. Однако оставим для иной публикации представление уникальных биографических и профессиональных коллизий этих незаурядных личностей. Можно только указать, что многие интересные материалы о них содержатся в университетском фонде Национального архива Республики Беларусь (далее – НАРБ), хотя они не позволяют в полной мере раскрыть биографии выдающихся университетских математиков.

Следует обратить внимание на то, что И. С. Пятосин преподавал дисциплину «Основы высшей математики» студентам административно-промышленного цикла экономического отделения факультета общественных наук, а также в течение двух триместров читал студентам 1-го курса медицинского факультета лекции по таким разделам высшей математики, как элементы введения и анализ, понятие о производном дифференциале, дифференцирование простейших функций, метод координат, отдел о прямой линии из аналитической геометрии [7, с. 332–333, 343, 348, 351]. Правда, в следующем учебном году математика исчезнет из учебного плана первокурсников медицинского факультета. Предпочтение будет отдано физике и химии.

Говорить о достойном включении математики в систему преподаваемых в БГУ дисциплин возможно только со второго учебного года, когда был открыт новый факультет – педагогический. Среди его четырех отделений были физико-математическое и естественное, первым заведующим которых стал И. С. Пятосин. Первокурсникам физико-математического отделения он читал четыре математические дисциплины, а В. К. Дыдырко – аналитическую геометрию. Оба преподавателя проводили практические занятия по своим курсам. Осенью 1923 г. к ним присоединился профессор А. А. Михайловский, который не только стал читать курс астрономии, но и возглавил созданный им же кабинет математики, тогда представлявший нечто среднее между научным учреждением и учебной структурой педагогического факультета [8, с. 18–19].

После представления коллизий с организацией как самого БГУ, так и его факультетской структуры, в частности математического направления, хотелось бы подробнее рассказать о самих носителях высоких математических знаний. Однако, принимая во внимание, что автор настоящей работы опубликовал в юбилейном пятитомнике «Интеллектуальная элита Беларуси» несколько пространных очерков о жизненном и творческом пути уже названных И. С. Пятосина, В. К. Дыдырко и А. А. Михайловского, а его коллеги на страницах этого издания рассказали о выдающихся математиках с мировым именем Ц. Л. Бурстине и Я. П. Громмере, являвшихся профессорами БГУ на рубеже 1920–30-х гг. [9–13], то в данном случае можно ограничиться краткими заметками о них и назвать тех, чьи имена также навечно вписаны в историю университетской математики.

Материалы многих фондов НАРБ дают возможность выявить различные обстоятельства развития математического образования и науки в БГУ и одновременно с этим рассмотреть развитие научного и педагогического потенциала университетских математиков. Так, если А. А. Михайловский приехал в Минск по приглашению администрации БГУ и руководства республики уже в ранге профессора и знатока астрономии и механики (в сентябре 1923 г. он стал профессором кафедры астрономии), то преподаватели минских училищ и гимназий В. К. Дыдырко и И. С. Пятосин, как и большинство их коллег, начинали свою карьеру в БГУ с ассистентских должностей, но быстро стали признанными специалистами – профессорами.

Развитие математики в БГУ неуклонно набирало темп. С увеличением разнообразия читаемых курсов и спецкурсов в рамках учебных планов (сначала физико-математического отделения педагогического факультета, а через несколько лет самостоятельного факультета) возрастал уровень квалификации преподавателей. Это стало возможным как за счет опытных педагогов, так и первых выпускников университетского педагогического факультета. Даже те, кто работал только на рабочем факультете, выдерживали уровень самых высоких профессиональных требований. К примеру, таковым был К. М. Годыцкий-Цвирко, человек необычайных способностей и увлечений. Этот выпускник физико-математического факультета еще Императорского Московского университета почти 10 лет преподавал математику студентам рабочего факультета. Ранее К. М. Годыцкий-Цвирко отметился своим участием в работе минской комиссии по организации БГУ, в 1920 г.

стал одним из авторов брошюры белорусских математических терминов, понятий и определений, подготовил к изданию пособие по высшей математике, а затем одновременно с преподаванием на рабочем факультете БГУ работал в составе Белорусской терминологической комиссии Академцентра Наркомпроса БССР и продолжал совершенствовать белорусскую терминологическую лексику[16].

Определяющим фактором в развитии математики в БГУ были профессионально подготовленные преподаватели. Выше отмечалось, что с начала работы университета в его штате преобладали гуманитарии и естественники. В целом во втором учебном году преподавательский состав БГУ насчитывал 153 человека (из них 31 профессор, 50 преподавателей, 41 ассистент, 11 лекторов иностранных языков, 15 ординаторов, 2 научных сотрудника и т. д.). По сравнению с первым учебным годом количество педагогов увеличилось на 72 человека[17]. На заседании правительства БССР 8 августа 1924 г. был утвержден очередной проект штатов БГУ, в том числе и на физико-математическом отделении педагогического факультета, где значились 4 профессора, 7 преподавателей, 6 ассистентов, 1 препаратор, 1 механик, 3 служителя, заведующий кабинетами ($^2/_3$ профессионального оклада)[18]. Из математиков в документах названы профессор А. А. Михайловский (астрономия), преподаватели В. К. Дыдырко (аналитическая геометрия), И. С. Пятосин (введение в анализ и дифференциальное исчисление), ассистенты А. И. Кохомская, В. И. Кохомский, М. Я. Вагер, Б. М. Слепян, К. М. Годыцкий-Цвирко, а также А. Ф. Барышников (механика).

Таким образом, к преподаванию математических дисциплин привлекались все новые и новые кадры. Профессор А. А. Михайловский сразу по приезде в Минск из Самары стал читать курсы сферической тригонометрии и описательной астрономии, механику точки, а преподаватель И. С. Пятосин – введение в анализ и дифференциальное исчисление, интегральное исчисление, его коллега В. К. Дыдырко – аналитическую геометрию[19]. Несомненный интерес вызывает личность Ч. М. Домбровского, незаслуженно забытого в истории БГУ (если иногда он и упоминался, то всегда с искажениями и фамилии, и отчества). Уроженец Блонского повета Варшавской губернии Ч. М. Домбровский воспитывался и получал домашнее образование в имении своего отца. В 1909 г. окончил среднюю школу в Варшаве, а в 1913 г. – математический факультет Парижского университета по специальности «математика, астрономия и теоретическая механика». До 1920 г. он работал учителем в средних школах в Польше, участвовал в рабочих демонстрациях, за что немецкими оккупационными властями был арестован и в 1916 г. интернирован. В августе 1920 г. Ч. М. Домбровский присоединился к Красной армии под Варшавой, потом оказался в Минске, где работал в польской коммунистической газете, затем был заведующим польской секцией при губернском отделе народного просвещения в Петрограде. Свои профессиональные знания математик реализовывал, читая лекции в Минском институте народного образования, а после его ликвидации – в Польском педагогическом техникуме имени Бронислава Весоловского в Минске (являлся одним из его организаторов).

С таким послужным списком Ч. М. Домбровский 26 июня 1923 г. предложил свои услуги БГУ в качестве лектора по математическим наукам, прежде всего для чтения курса «Эволюция понятия числа», и вместе с заявлением о приеме на работу представил в предметную комиссию физико-математического отделения педагогического факультета университета экземпляр своей работы «Канон геометрикус». На состоявшемся 24 сентября 1923 г. заседании эта комиссия (председатель – профессор Е. Е. Сиротин, члены – И. С. Пятосин, В. К. Дыдырко, Е. К. Успенский и Е. В. Снятков) постановила избрать Ч. М. Домбровского ассистентом кафедры математики. Это решение в течение последующих двух месяцев последовательно поддержали на заседаниях деканата педагогического факультета, затем совета факультета и, наконец, правления БГУ. И только после этой обязательной процедуры, через которую в 1920-х гг. проходили все, кто вознамерился работать в БГУ, Главное управление профессионального образования БССР (далее – Главпрофобр) 3 декабря 1923 г. на заседании коллегии в числе других утвердило Ч. М. Домбровского ассистентом кафедры высшей математики педагогического факультета[20]. В последующие годы он был одной из самых заметных фигур в ряду своих коллег-математиков, активно участвовал в научных мероприятиях, читал несколько оригинальных учебных курсов.

Если вновь обратить внимание на развитие инфраструктуры математического образования в БГУ, то нельзя обойти стороной такие характерные для тех первых лет научно-учебные институции, как кабинеты. Они создавались чуть ли не по всем направлениям подготовки студентов и важнейшим научным областям. Одним из многих был и недавно организованный кабинет математики, которым

[16]Константин Мардарьевич Годыцкий-Цвирко [Электронный ресурс]. URL: https://www.geni.com/people/Константин-Годыцкий-Цвирко/6000000087112480050 (дата обращения: 12.04.2021).
[17]НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 246 об.
[18]Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 28. Т. 2. Л. 27.
[19]Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 55. Л. 77.
[20]Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 74, 133–136.

ежедневно пользовались 10–15 человек. На июнь 1924 г. его книжный фонд насчитывал 154 издания. Имелся также кабинет астрономии, заслуга в создании которого принадлежала А. А. Михайловскому. Уже к концу 1927 г. оба кабинета значительно увеличили свою «пропускную способность»: в кабинете астрономии занимались до 75 студентов и преподавателей, а в кабинете математики – до 150 человек[21]. Вот только оборудование кабинетов было достаточно скромным. Однако подобные вопросы решались не так быстро, как того требовал учебный процесс. Например, 27 мая 1926 г. правление БГУ представило в Главпрофобр перспективные планы закупки по факультетам необходимого оборудования для проведения научно-исследовательской работы. Отмечалось, что в настоящее время кабинеты и лаборатории педагогического факультета оснащены в среднем лишь на 30–35 % и почти не имеют оборудования для научно-исследовательской работы. В расчете на ближайшие 5 лет на эти нужды для кабинетов математики, методики математики и методики физики запрашивалось по 1500 руб., Института физики – 199 000 руб., кабинета астрономии – 75 050 руб.[22] В основном обязанности по пополнению книжного фонда новейшей литературой и обеспечению оборудованием ложились на плечи заведующих кабинетами в качестве дополнительной нагрузки к преподавательской деятельности. Так, 12 ноября 1926 г. профессор А. А. Михайловский доложил ректору БГУ, что по его личной просьбе коллеги из Пулковской обсерватории во главе с директором профессором А. А. Ивановым бесплатно прислали для астрономического кабинета БГУ главнейшие издания своего учреждения в количестве 90 книг, за что А. А. Михайловский просил выразить им благодарность (письмо было отправлено 1 декабря 1926 г.).

Помимо всего прочего, даже к 1927 г. для руководства БГУ и тем более руководства республики оставалась актуальной проблема с наличием учебных и иных площадей, несмотря на то что к 1926 г. для Института физики построили специальный новый корпус, а в скором времени объявили Всесоюзный конкурс на разработку проекта университетского городка чуть ли не с полутора десятками корпусов. Постоянно происходили передвижения факультетов в зависимости от передачи БГУ или, наоборот, изъятия у него тех или иных зданий. Новый корпус, полученный от закрытого в 1925 г. Минского сельскохозяйственного института, заняли два отделения педагогического факультета (природоведческое и физико-математическое), на которых учились 760 студентов. Всего в этом здании расположились семь кафедр (физики, биологии, неживой природы, ботаники, зоологии и сравнительной анатомии, а также математики и астрономии). Однако если кафедра физики разместилась в восьми комнатах (некоторые из них имели специальное назначение (оптическая, рентгеновский кабинет, мастерская, кабинет профессора, препараторская и др.)) и одной аудитории, то кафедра математики получила лишь аудиторию и помещение под кабинет математики[23].

Интересными представляются некоторые цифры, отражающие масштабы подготовки будущих математиков в 1920-х гг. Так, на 1 января 1926 г. на 2-м курсе физико-математического отделения обучались 97 студентов, на 3-м курсе – 70, на 4-м курсе – 34 студента. Тогда БГУ пополнился 13 студентами физико-математического отделения, переведенными в Минск из ликвидированного Витебского педагогического института для завершения учебы. Считалось, что нормальное количество студентов в группе на практических занятиях по математике и механике – 40–50 человек, по «практыкаванню» (вероятно, отработке различных навыков во время учебной практики) – 25–30 человек[24]. Например, в январе 1927 г. декан педагогического факультета сообщал, что студенты проходят педагогическую практику только в 1-м семестре 4-го курса, при этом каждый из них должен разработать одну законченную тему по комплексной системе или лабораторному плану. Разработка темы велась на протяжении трех недель: в первую неделю студенты знакомились со школьной жизнью и преподаванием, во вторую рецензировали работу других студентов-практикантов, в третью проводили самостоятельные занятия – обобщающую конференцию по заданию и вступительную беседу. После этого на специальной конференции проходило обсуждение работ. Всего в 1-м семестре в белорусской школе прошли практику 105 студентов факультета, в том числе 19 человек по математике и 12 человек по физике. В целом было признано, что практика организована ненадлежащим образом, студенты на последнем курсе перегружены, в результате чего эффективность их работы в школе снижается. Деканат обязался разработать новую программу на следующий учебный год[25].

В 1926 г. физико-математическое отделение окончили 32 студента, а в 1928 г. – 61 студент. В условиях новой экономической политики высшее образование пока еще могли получать и выходцы из семей торговцев, служащих, ремесленников, хотя

[21]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 24. Л. 15.
[22]Там же. Д. 213. Л. 30.
[23]Там же. Д. 267. Л. 27–28.
[24]Там же. Д. 184. Л. 6.
[25]Там же. Д. 244. Л. 23.

социальное положение студентов и выпускников физико-математического отделения из года в год «очищалось» в ходе соответствующей политической кампании. В национальном отношении преобладали белорусы и евреи, в гендерном – мужчины (так, в 1928 г. дипломы получили 47 мужчин и лишь 14 женщин)[26]. Выпускница физико-математического отделения педагогического факультета Анна Нахимовская, в будущем ставшая одним из олицетворений университетской математики и в послевоенные годы заведующей кафедрой геометрии физико-математического отделения, в статье в молодежной газете отмечала участие студентов физико-математического отделения в этих кампаниях. По ее словам, на всех курсах с привлечением беспартийных проработали инструкции, уделили внимание вопросам освещения чистки в стенгазете, связались с парторганизацией, кроме «легкой кавалерии», создали бригаду для изучения общественно-политической работы проверяемых комсомольцев и предложили бытовой комиссии посетить их на дому. Вот только вскоре курсовая ячейка своевременно предупредила такую попытку, «принижающую политическое значение чистки»[27]. Более того, студенты-выпускники физико-математического отделения в 1928 г. выступили чуть ли не с «антисоветских позиций», что выразилось в нежелании пригласить общественных, партийных и студенческих представителей для традиционного коллективного фотоснимка. Это даже стало предметом рассмотрения и оценки «политической физиономии» некоторых студентов на заседании правления БГУ. Однако университетскому руководству в уже политически непростое время удалось «спустить на тормозах» этот вопиющий факт. Было решено не исключать выпускников и предоставить им возможность «стать хорошими советскими гражданами» по месту распределения[28].

Несмотря на все идеологические приемы, в целом выпускники педагогического факультета не очень-то стремились испытывать тяготы учительской профессии в белорусской глубинке. Республиканская пресса сообщала о том, что около 40 выпускников 1929 г. отказались работать в деревне и путем ухищрений устроились в городах и местечках. И это при том, что в среднем обучение одного студента обходилось государству в 613 руб., а стипендиата – в 840 руб., да и стать студентом БГУ было весьма непросто. Через «сито» приемных экзаменов (например, летом 1926 г.) абитуриентов пропускали почти все штатные преподаватели математики: профессор А. А. Михайловский, преподаватели В. К. Дыдырко, В. И. Кохомский, Г. Н. Сагалович, В. Л. Левкович, ассистент А. П. Круталевич. По математике экзаменовались 297 человек, 204 из них ответили удовлетворительно, 93 – неудовлетворительно. Экзамен показал, что значительная часть абитуриентов не справлялись с предъявляемыми требованиями как в силу завышенных ожиданий экзаменаторов, так и из-за слабой подготовки. Приемная комиссия констатировала, что по сравнению с прошлым годом знания оказались худшими. Хорошая подготовка выявлена у тех, кто окончил общеобразовательные курсы[29].

Только лишь в качестве примера хотелось бы привести некоторые позиции существовавших в то время учебных планов, которые осваивали студенты физико-математического отделения педагогического факультета. Так, в 1923/24 учебном году отпечатанный типографским способом специальный формуляр с 15 дисциплинами студенты были обязаны заполнять собственноручно из-за отсутствия на тот момент устойчивого перечня предметов, обязательных к изучению. Их названия вносились в формуляр после прихода в аудиторию преподавателя. В этом учебном году математики педагогического факультета, кроме лекций по диалектическому материализму, истории социализма, физике, химии, анатомии и физиологии человека, психологии, истории педагогики, белорусскому и английскому языкам, слушали курсы по аналитической геометрии, дифференциальным исчислениям, теории определителей, сферической тригонометрии, описательной астрономии. А вот уже с 1926 г. учебные планы печатались типографским способом и были доступны всем [14–16]. В 1926/27 учебном году на 2-м курсе физико-математического отделения геодезию и описательную астрономию читал профессор А. А. Михайловский (2 ч в неделю), аналитическую геометрию – доцент В. К. Дыдырко (4 ч), высшую алгебру – пока еще ассистент А. П. Круталевич (2 ч). На 3-м курсе В. К. Дыдырко вел дифференциальную геометрию, И. С. Пятосин – интегральное исчисление, ассистенты А. П. Круталевич и Г. Н. Сагалович – методику математики. Оба скоро стали доцентами. Так, в сентябре 1927 г. А. П. Круталевич был представлен в Наркомпрос БССР на утверждение в должности доцента кафедры математики и уже 26 октября этого года официально получил повышение своей профессиональной квалификации[30]. Рекомендацию ему дал Е. Е. Сиротин, заметивший, что заслуги А. П. Круталевича как педагога, ученого и общественного деятеля почему-то столь долго не были отмечены повышением профессионального статуса. А Г. Н. Сагалович все довоенные

[26]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 24. Л. 25, 37.
[27]*Нахимовская А.* Учли уроки совстроя // Чырв. змена. 1930. 27 крас. (№ 88).
[28]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 273. Л. 161.
[29]Там же. Д. 164. Л. 91.
[30]Там же. Д. 273. Л. 27 ; Там же. Д. 222. Л. 148.

годы считался признанным методистом в сфере преподавания математических дисциплин. Интересно, что курс черчения также был закреплен за кафедрой математики, его вел ассистент В. Л. Левкович. В следующем учебном году как количество часов и читаемые курсы, так и состав преподавателей практически не изменились.

Для иллюстрации значимости работы университетских математиков в специфических условиях на рубеже 1920–30-х гг. приведем любопытную рукописную запись на тетрадных страницах. По случаю 10-летия БГУ к премированию «за счет внутренних резервов» были представлены несколько преподавателей, в том числе недавно приехавший в Минск академик Белорусской академии наук Ц. Л. Бурстин, только что ставшие профессорами В. К. Дыдырко и И. С. Пятосин, а также доцент Г. Н. Сагалович. Как заведующий кафедрой, Ц. Л. Бурстин «за вялікую навуковую працу і актыўны ўдзел у грамадскім жыцці» удостоился подписок на «Малую савецкую энцыклапедыю» за 80 руб. и «Гісторыю фабрык і заводаў» за 195 руб., а вот В. К. Дыдырко и И. С. Пятосин премировались командировками «ў Маскву ці Ленінград» по 200 руб. каждый за «добрую пастаноўку педпрацэсу, за навуковую працу, за разгортванне сацспаборніцтва і ўдарніцтва, за дапамогу студэнтам». Для Г. Н. Сагаловича «за добрую пастаноўку выкладання, за педагагічную працу, за актыўную працу па складанні праграм масавай школы»[31] выделили путевку на две недели в дом отдыха стоимостью 80 руб. Как бы сегодня такое премирование ни выглядело несколько необычно, однако оно было индивидуальным, с точными констатациями заслуг ученых и определялось как идеологической актуальностью (для Ц. Л. Бурстина), так и поддержкой научных запросов и здоровья ученых.

Начало математических исследований в стенах БГУ

Разумеется, в БГУ с самых первых дней его деятельности понимали, что достойный уровень преподавания всех дисциплин, в том числе и математики, невозможен без глубоких научных знаний всех преподавателей. И, если можно так выразиться, равнение держали на самые высокие образцы науки, большинство стремились именно через демонстрацию своих исследовательских достижений строить преподавательские карьеры. Объединяющим началом в занятиях наукой стали организация в 1922 г. научного общества БГУ и выход годичных номеров научного сборника «Труды БГУ». В научном обществе среди первых трех его секций была и физико-математическая (председатель – профессор-физик Е. Е. Сиротин, секретарь – преподаватель-математик А. П. Круталевич). В скором времени математическую составляющую секции возглавил профессор А. А. Михайловский. Только за первый год ее деятельности состоялись семь заседаний. На них математики А. П. Круталевич, К. М. Годыцкий-Цвирко, Ч. М. Домбровский, В. К. Дыдырко, И. С. Пятосин выступили с докладами по различным проблемам математики и геометрии («Теория определителей профессора Кагана», «О мнимостях в геометрии», «О состоянии германской физико-математической литературы за последние годы», «Основания геометрии Гильберта»), а профессор-философ В. Н. Ивановский представил работу «О методологии математики»[32].

Широкое информационное освещение деятельности физико-математической секции научного общества при БГУ за 5 лет (с февраля 1923 по февраль 1928 г.) было представлено в сборнике «Труды БГУ». В этом своеобразном отчете названы 74 научных доклада, озвученных математиками и физиками на 45 состоявшихся заседаниях, из них 34 доклада сделаны сугубо по проблемам математики. Указывалось, что научные доклады были «двоякого типа: исследовательские, представлявшие самостоятельные работы отдельных членов секции, и информационные, вводившие чле нов секции в круг новейших идей и исследований в области физики и математики, а также знакомившие с работами всесоюзных съездов физиков и математиков» [17, с. 359]. Особое значение имели выступления, апробированные на Первой Всебелорусской физико-математической конференции, организованной данной секцией в феврале 1926 г. На этой конференции были сделаны 13 методических и 4 научно-обзорных доклада.

В 1928 г. в секции состояли 18 физиков и математиков БГУ, а на ее заседания в среднем приходили до 40 человек. Все ранее названные университетские математики не единожды выступали с представлением своих научных наработок. Однако замечены и два новых имени: А. Ю. Мицкевич, в феврале 1926 г. выступивший с темой «Дальтон-план в применении к математике в комвузе», и В. С. Рутковский, прочитавший доклад «Иллюстрация относительных чисел». Некоторые факты о научных интересах математиков в 1928 г. можно узнать из списка работ (всего названы фамилии 31 преподавателя физики и математики), который деканат педагогического факультета представил в правление БГУ. В этом списке значились лишь те труды, которые авторы были намерены опубликовать в ближайшее время. Так, Ч. М. Домбровский подготовил работы «Познание о независимости постулата в системе Гильберта»

[31]Из личного архива автора.
[32]НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 266 об.

и «К методологии "математических наук". Идеализм и прагматичный реализм математики»[33].

В целом научно-педагогический коллектив к этому времени сформировался. Хотя все же на протяжении 1928–1930 гг. деканат педагогического факультета запрашивал новые штатные ставки для кафедр математики, астрономии и методики математики (для каждой из них требовались 1 профессор, 2 доцента, 1–2 ассистента, 2 аспиранта).

Занимаясь с 1927 г. подготовкой молодых кадров через аспирантуру, университет по-прежнему постоянно искал уже состоявшихся ученых (и даже с мировым именем). На заседании правления БГУ 18 июля 1928 г. было заслушано заявление профессора Высших педагогических курсов при Технологическом институте (Ленинград) В. Р. Мрочека о предоставлении ему кафедры методики математики и методологии математики на педагогическом факультете. Принципиально согласившись с кандидатурой последнего, правление БГУ запросило его автобиографию и список научных трудов. Надо сказать, что судьба этого математика была чрезвычайно сложной как до революции, так и после нее (в 1937 г. его расстреляли). В. Р. Мрочек считался крупным специалистом в истории науки, однако по каким-то причинам так и не приехал в Минск.

На этом же заседании слушали заявление доктора Я. П. Громмера о предоставлении ему кафедры математики на педагогическом факультете. К заявлению прилагался отзыв профессора А. Эйнштейна. Принципиально согласившись с кандидатурой Я. П. Громмера, правление БГУ передало документы в деканат и поручило ему в ближайшее время создать комиссию для дачи отзыва о научной деятельности доктора Я. П. Громмера. Выдающийся математик, уроженец Бреста Я. П. Громмер во многом благодаря рекомендации своего учителя и коллеги, гения А. Эйнштейна («доктор Громмер является одним из самых опытных ученых по предмету аналитической математики») с 1 ноября 1928 г. был утвержден в должности профессора кафедры математики. Свою включенность в европейский научный математический контекст Я. П. Громмер демонстрировал не раз. Например, 23 мая 1932 г. он, как ученый Белорусской академии наук, подал заявление с просьбой о научной командировке в Швейцарию, поскольку получил приглашение к участию в Интернациональном математическом конгрессе, который должен был состояться 4–12 сентября 1932 г. в Цюрихе. В заявлении, написанном от руки вполне разборчивым почерком, математик также просил «уполномочить быть представителем белорусской академии на конгрессе» и обязывался, кроме научного доклада, прочитать перед зарубежными коллегами лекцию о «связи теор. науки с живой практикой в сов. России»[34]. Однако тяжелобольной ученый недолго преподавал белорусским студентам, больше занимаясь математикой как наукой, и вскоре (в 1933 г.) умер.

Развитие СССР и БССР требовало от университета подготовки специалистов-практиков в самых различных сферах производства и, конечно, формирования национальных кадров высшей квалификации в признанных областях знаний. По этой причине для приобщения БГУ к европейскому уровню познания математики во всех ее направлениях был приглашен Ц. Л. Бурстин. В апреле 1929 г. он приехал из Вены в Минск, стал одним из первых белорусских академиков, но через короткое время был репрессирован и умер в тюремной больнице.

Создание аспирантуры при БГУ требовалось по всем направлениям знаний и специальностям, но путь к полноценной и узаконенной ее деятельности оказался непростым. Даже после утверждения аспирантуры на союзном уровне 22 февраля 1928 г. правление БГУ вынуждено было обращаться в Главнауку БССР, указывая на то, что вопрос об открытии аспирантуры является для БГУ чрезвычайно важным и что до настоящего времени на него не было обращено должного внимания. Через день из университета в Главнауку БССР ушло письмо с замечаниями по проекту устава об аспирантах, в котором отмечалась необходимость увеличить срок обучения в аспирантуре для физико-математического и природоведческого отделений с 3 до 4 лет, а аспирантов оставлять по всем кафедрам, причем окончившим физико-математическое и природоведческое отделения рекомендовалось прослушать дополнительные курсы по причине «сокращенности программы этих отделений»[35]. Педагогический факультет для нормальной научной работы кафедр требовал от правления БГУ учредить 40 аспирантских должностей, в том числе 2 по математике, 1 по механике и 1 по астрономии.

Заключение

Как бы там ни было, названные выше проблемные вопросы, в первую очередь кадрового характера, всегда актуальны в работе университетов, факультетов, кафедр. Подготовка кадров высшей квалификации является длительным процессом и предполагает наличие должного уровня научных

[33]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 267. Л. 297.
[34]Центр. науч. арх. НАН Беларуси. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16а. Л. 238–238 об.
[35]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 267. Л. 111, 183.

руководителей. Особенно это относится к такой точной науке, как математика. Все же можно считать, что за 10 лет своей работы БГУ сформировался по всем главным параметрам как университет самодостаточный, способный строить планы и достигать поставленных целей. И это несмотря на недостатки в финансировании, различного рода «кампанейщины» в преподавании, а главное – вопреки чудовищным по своим последствиям политическим репрессиям.

Библиографические ссылки

1. Доўнар-Запольскі М. *Выбранае*. Лебедзева В, укладальнік. Мінск: Беларуская навука; 2017. 668 с. (Беларускі кнігазбор).

2. Абецедарский ЛС, Бабицкий БЕ, Годнев ТН, Дементьев ВА, Дорогин ВА, Жиркевич МИ и др., составители. *Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина*. Минск: Издательство Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР; 1962. 278 с.

3. Кожушков АИ, Лабуда АА, Гусак АА, Капуцкий ФН, Петрович ПГ, Романовский НТ и др., составители. *Белорусский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени В. И. Ленина*. Минск: БГУ; 1971. 319 с.

4. Турук ФФ. Университетская летопись. *Труды Белорусского государственного университета в Минске.* 1922;1: 175–207.

5. Пічэта УІ. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт напярэдадні 10-годдзя Кастрычнікавай рэвалюцыі. У: *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт 1921–1927: да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі.* Менск: [б. в.]; 1927. с. 5–46.

6. Пічэта УІ. Савецкая ўлада і пытанне аб адчыненні ўніверсітэта на Беларусі. *Савецкае будаўніцтва*. 1928;6:137–143.

7. Каценбоген СЗ. Белорусский государственный университет за 1921–1922 академический год: итоги и перспективы. *Труды Белорусского государственного университета в Минске.* 1922;2–3:326–364.

8. Каценбоген СЗ, составитель. *Белорусский государственный университет в 1922–23 учебном году (Итоги и перспективы).* Минск: 1-я Гостипография «Белтрестпечати»; 1923. 52 с.

9. Яновский ОА. Иосиф Степанович Пятосин. В: Король АД, Бурачонок АВ, Гужаловский АА, Ершова ОИ, Захаркевич СА, Кохнович ВА и др. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961).* Король АД, редактор. Минск: БГУ; 2019. с. 75–88.

10. Яновский ОА. Владимир Кондратьевич Дыдырко. В: Король АД, Бурачонок АВ, Гужаловский АА, Ершова ОИ, Захаркевич СА, Кохнович ВА и др. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961).* Король АД, редактор. Минск: БГУ; 2019. с. 23–37.

11. Яновский ОА. Арсений Алексеевич Михайловский. В: Король АД, Бурачонок АВ, Гужаловский АА, Ершова ОИ, Захаркевич СА, Кохнович ВА и др. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961).* Король АД, редактор. Минск: БГУ; 2019. с. 62–74.

12. Кохнович ВА. Целестин Леонович Бурстин. В: Абламейко СВ, Бригадин ПИ, Грибко ИЛ, Ершова ОИ, Захаркевич СА, Кохнович ВА и др. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941).* Абламейко СВ, редактор. Минск: БГУ; 2017. с. 123–131.

13. Ходин СН. Яков Пинхусович Громмер. В: Король АД, Бочило ИГ, Бурачонок АВ, Войтович АВ, Гернович ТД, Ершова ОИ. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–2021).* Король АД, редактор. Минск: БГУ; 2021. с. 36–44.

14. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. *Агляд выкладання на 1-м курсе педагагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.* Менск: Галоўлітбел; 1926. 67 с.

15. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. *Агляд выкладання на педагагічным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 1927/28 акадэмічным годзе*. Менск: Галоўлітбел; 1927. 68 с.

16. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. *Агляд выкладання на факультэце права і гаспадаркі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 1927/28 акадэмічным годзе.* Менск: Галоўлітбел; 1927. 33 с.

17. О деятельности физико-математической секции научного общества при Белорусском государственном университете (за 5-летний период: с февраля 1923 г. по февраль 1928 г.). *Труды Белорусского государственного университета*. 1928;17–18:359–362.

References

1. Downar-Zapol'ski M. *Vybranae* [Favorites]. Lebedzeva V, compiler. Minsk: Belaruskaja navuka; 2017. 668 p. (Belaruski knigazbor). Belarusian.

2. Abetsedarskii LS, Babitskii BE, Godnev TN, Dement'ev VA, Dorogin VA, Zhirkevich MI, et al., compilers. *Belorusskii gosudarstvennyi universitet imeni V. I. Lenina* [Lenin Belarusian State University]. Minsk: Izdatel'stvo Ministerstva vysshego, srednego spetsial'nogo i professional'nogo obrazovaniya BSSR; 1962. 278 p. Russian.

3. Kozhushkov AI, Labuda AA, Gusak AA, Kaputskii FN, Petrovich PG, Romanovskii NT, et al., compilers. *Belorusskii ordena Trudovogo Krasnogo Znameni gosudarstvennyi universitet imeni V. I. Lenina* [Belarusian Order of the Red Banner of Labor State University named after V. I. Lenin]. Minsk: Belarusian State University; 1971. 319 p. Russian.

4. Turuk FF. [University chronicle]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta v Minske.* 1922;1:175–207. Russian.

5. Pichjeta UI. [Belarusian State University on the eve of the 10th anniversary of the October Revolution]. In: *Belaruski dzjarzhawny wniversitjet 1921–1927: da 10-j gadaviny Kastrychnikavaj rjevaljucyi* [Belarusian State University 1921–1927: to the 10th anniversary of the October Revolution]. Mensk: [s. n.]; 1927. p. 5–46. Belarusian.

6. Picheta UI. [Soviet power and the question of opening a university in Belarus]. *Saveckae budawnictva*. 1928;6:137–143. Belarusian.

7. Katsenbogen SZ. [Belarusian State University for the 1921–1922 academic year: results and prospects]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta v Minske*. 1922;2–3:326–364. Russian.

8. Katsenbogen SZ, compiler. *Belorusskii gosudarstvennyi universitet v 1922–23 uchebnom godu (Itogi i perspektivy)* [Belarusian State University for the 1922–23 academic year (Results and prospects)]. Minsk: 1-ya Gostipografiya «Beltrestpechati»; 1923. 52 p. Russian.

9. Yanovskij OA. [Joseph Stepanovich Pyatosin]. In: Korol' AD, Burachonok AV, Guzhalovskii AA, Ershova OI, Zakharkevich SA, Kokhnovich VA, et al. *Intellektualnaya elita Belarusi. Osnovopolojniki belorusskoi nauki i visshego obrazovaniya (1919–1961)* [The intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–1961)]. Korol' AD, editor. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 75–88. Russian.

10. Yanovskij OA. [Vladimir Kondratyevich Dydyrko]. In: Korol' AD, Burachonok AV, Guzhalovskii AA, Ershova OI, Zakharkevich SA, Kokhnovich VA, et al. *Intellektualnaya elita Belarusi. Osnovopolojniki belorusskoi nauki i visshego obrazovaniya (1919–1961)* [The intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–1961)]. Korol' AD, editor. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 23–37. Russian.

11. Yanovskij OA. [Arseny Alekseevich Mikhailovsky]. In: Korol' AD, Burachonok AV, Guzhalovskii AA, Ershova OI, Zakharkevich SA, Kokhnovich VA, et al. *Intellektualnaya elita Belarusi. Osnovopolojniki belorusskoi nauki i visshego obrazovaniya (1919–1961)* [The intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–1961)]. Korol' AD, editor. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 62–74. Russian.

12. Kohnovich VA. [Celestine Leonovich Burstin]. In: Ablameiko SV, Brigadin PI, Gribko IL, Ershova OI, Zakharkevich SA, Kokhnovich VA, et al. *Intellektualnaya elita Belarusi. Osnovopolojniki belorusskoi nauki i visshego obrazovaniya (1919–1941)* [The intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–1941)]. Ablameiko SV, editor. Minsk: Belarusian State University; 2017. p. 123–131. Russian.

13. Hodin SN. *Yakov Pinhusovich Grommer* [Yakov Pinkhusovich Grommer]. In: Korol' AD, Bochilo IG, Burachonok AV, Voitovich AV, Gernovich TD, Ershova OI, et al. *Intellektualnaya elita Belarusi. Osnovopolojniki belorusskoi nauki i visshego obrazovaniya (1919–2021)* [Intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–2021)]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 36–44. Russian.

14. Belaruski dzjarzhawny wniversitjet. *Agljad vykladannja na 1-m kurse pedagagichnaga fakul'tjeta Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta* [Review of teaching in the 1st year of the pedagogical faculty of the Belarusian State University]. Mensk: Galowlitbel; 1926. 67 p. Belarusian.

15. Belaruski dzjarzhawny wniversitjet. *Agljad vykladannja na pedagagichnym fakul'tjece Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta w 1927/28 akadjemichnym godze* [Review of teaching at the pedagogical faculty of the Belarusian State University in the 1927/28 academic year]. Mensk: Galowlitbel; 1927. 68 p. Belarusian.

16. Belaruski dzjarzhawny wniversitjet. *Agljad vykladannja na fakul'tjece prava i gaspadarki Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta w 1927/28 akadjemichnym godze* [Review of teaching at the faculty of law and economy of the Belarusian State University in the 1927/28 academic year]. Mensk: Galowlitbel; 1927. 33 p. Belarusian.

17. [On the activities of the physics and mathematics section of the scientific society at the Belarusian State University (for a 5-year period: from February 1923 to February 1928)]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1928;17–18: 359–362. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.05.2021.
Received by editorial board 21.05.2021.